НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА
Серія политическая.

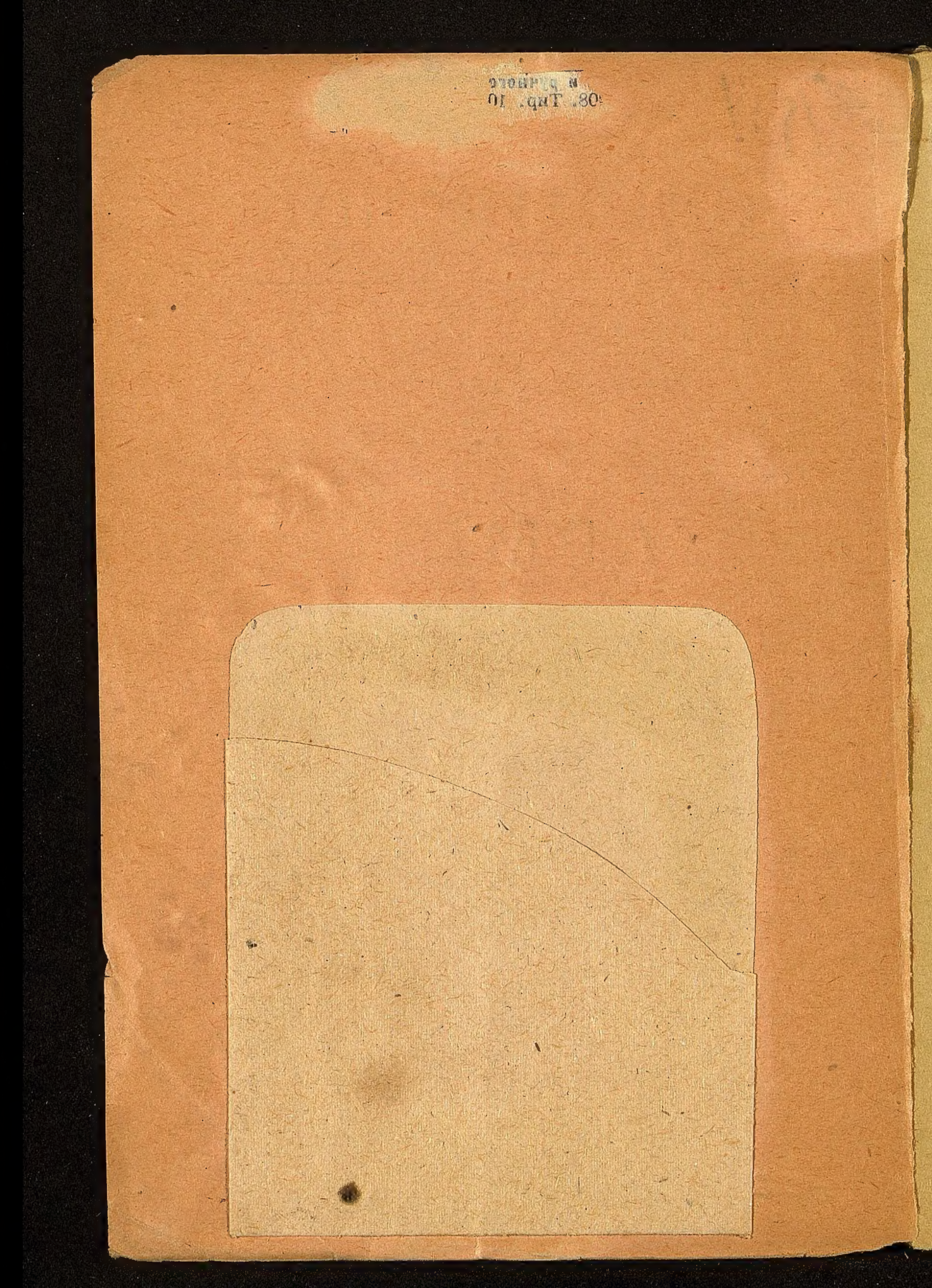
Прапорщикъ ВЫСОЦКІЙ

АРМІЯ

ПРЕЖДЕ и ТЕПЕРЬ

№ 60 Ц. 25 к.

Акціонерное Общество
«УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА»
МОСКВА.

Прапорщикъ ВЫСОЦКІЙ

АРМІЯ ПРЕЖДЕ и ТЕПЕРЬ.

I

Вопросъ объ арміи—едва ли не самый больной, самый мучительный вопросъ, волнующій Россію. Это понятно: жизнь поставила его трагически; отъ того, какъ онъ будетъ разрѣшенъ, зависитъ быть или не быть свободной Россіи... Живою стѣной армія отдѣляетъ насъ отъ вражескихъ полчищъ, уже прошедшихъ по трупамъ и пепелищамъ огромную часть нашей территоріи. Рухнетъ эта стѣна,—волны завоевателей хлынутъ вглубь, нигдѣ не находя себѣ преграды, и этотъ страшный потопъ будетъ гибелью для русской свободы. Для всѣхъ, или почти для всѣхъ, эта истина непреложна.

А между тѣмъ, казалось бы, въ самой постановкѣ такого вопроса объ арміи лежитъ какое-то недоумѣнное противорѣчіе. Вѣдь именно армія завоевала Россіи свободу: не присоединись она къ народу въ первые дни революціи, отъ этой революціи остался бы лишь рядъ новыхъ висѣлицъ и заново переполненныхъ тюремъ. Но армія присоединилась, и случилось нѣчто, какъ во снѣ чудесное. Притаившись на крышахъ петроградскихъ домовъ, царизмъ разстрѣлялъ свои послѣдніе патроны—и его не стало. Вѣковой врагъ Россіи, съ которымъ безсильно боролось столько поколѣній, который поглотилъ столько тысячъ жизней, былъ сломленъ. Остал-

ся лишь другой, обложившій всю западно-европейскую границу Россіи. Но на борьбу съ этимъ врагомъ Россія имѣла право смотрѣть съ упованіемъ и твердою вѣрой... Если армія могла противостоять ему въ годы неслыханнаго предательства, грабежа и шпіонажа, то какъ не устоитъ она теперь при поддержкѣ чистыхъ рукъ освобожденнаго народа. Россія ждала отъ арміи послѣдняго подвига, послѣдняго напряженія силъ, вѣря, зная, что врагъ будетъ сломленъ—или теперь, или никогда. Но проходили и проходятъ дни томительнаго ожиданія, и съ каждымъ днемъ растетъ трагическая отчетливость неотвратимаго: отъ послѣдняго усилія арміи зависитъ быть или не быть свободной Россіи. Но армія этого усилія не сдѣлала и пока не дѣлаетъ.

Что же случилось? Какъ могло произойти, что армія, въ руки которой Россія отдала свою судьбу, внушаетъ ей теперь не непоколебимую вѣру, а растерянность, неувѣренность, страхъ? Какъ могло случиться, что въ Россіи, у которой есть ея армія, раздался голосъ: «отечество на краю гибели!» и раздается все чаще? Развѣ армія—не та же огромная реальная сила, въ два дня безповоротно рѣшившая вопросъ политическаго быта родины? Или это не она выходила на улицы Петрограда и Москвы, чтобы вмѣстѣ съ народомъ поднять знамя возстанія?

Ее подмѣнили?

И да, и нѣтъ.

Безпримѣрная демократическая революція, по своимъ размѣрамъ превзошедшая всѣ, даже самыя смѣлыя, надежды, едва ли не съ перваго дня должна была столкнуться съ вопросомъ демократизаціи арміи. Можно сказать, что армія, вышедшая на улицу изъ казармъ, чтобы быть заодно съ народомъ, вернулась

въ казармы уже другой. Низвергнуть былъ не только царизмъ, но и все, что съ нимъ, все, на чемъ незыблемо, казалось, стоялъ царскій тронъ. И прежде всего порвалась та желѣзная узда, на которой царизмъ держалъ армію: безпрекословное повиновеніе. Въ странѣ свободныхъ гражданъ и армія должна была быть свободной—и за солдатомъ должны были быть признаны права гражданина.

Но случилось такъ, что къ вопросу о немедленной демократизаціи арміи и временная власть и вся свободомыслящая Россія оказались совершенно неподготовленными. Этотъ вопросъ засталъ ее врасплохъ. Не было заранѣе выработано никакихъ готовыхъ нормъ новаго военнаго уклада, которыми можно было бы безболѣзненно замѣнить ненавистныя нормы прежняго рабскаго режима.

Въ основѣ самого понятія арміи, какъ собранія людей вооруженныхъ для извѣстной цѣли, достигаемой общими усиліями, лежитъ принципъ повиновенія, безъ котораго существованіе арміи, какъ силы, становится немыслимымъ. Царизмъ довелъ этотъ принципъ до крайности, требуя отъ солдата почти безсловеснаго повиновенія и давая въ руки начальнику почти безотвѣтственную власть. Отметая уродливость этого принципа, возвращая солдату права гражданина, революція какъ бы взяла подъ сомнѣніе и самый принципъ повиновенія. Вопросъ къ тому же осложнился. Водворяя въ Россіи еще неокрѣпшую свободу, революціи пришлось бороться и съ возможными попытками возврата къ старому. Въ арміи возможность такихъ попытокъ предполагалась со стороны офицерскаго состава, часть котораго считалась явно приверженной старому строю. Но, и вообще говоря, въ первые дни революціи

далеко не все офицерство пошло во главѣ солдатскихъ массъ и въ большинствѣ оказалось не впереди, а въ хвостѣ теченія. Все это привело къ неизбѣжному паденію офицерскаго авторитета, къ которому, такъ или иначе, солдатъ привыкъ. Основаніе, на которомъ держалась армія, какъ цѣлое, дрогнуло, и самое зданіе дало угрожающую трещину. Пропаганда новыхъ политическихъ идей, широкой волной хлынувшая въ армію, въ среду темной или, по меньшей мѣрѣ, малосознательной солдатской массы, могла только еще больше расшатать армію.

Пропаганда эта велась сумбурно, противорѣчиво, сразу со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ направленіяхъ: война до побѣднаго конца, немедленный миръ между демократіями всѣхъ странъ, необходимость наступленія, оборона безъ наступленія, полнота политическихъ правъ и гражданскихъ свободъ, контроль надъ властью офицеровъ и даже: долой офицеровъ—все это ворвалось въ армію вихремъ. И насталъ моментъ, когда армія очутилась въ положеніи ни въ чемъ и ни передъ кѣмъ не отвѣтственной массы, ибо, свергнувъ принципъ повиновенія съ принудительнаго начала, революція не подложила подъ него сейчасъ же никакого другого основанія. Въ этотъ моментъ арміи въ сущности больше не существовало: осталась лишь груда многомилліонnаго матеріала, изъ котораго нужно было построить новое зданіе.

Но какъ же было это сдѣлать? Какъ совмѣстить начала политической свободы съ суровыми требованіями воинской дисциплины, безъ которой нѣтъ арміи? Какъ ввести въ русло стихійную солдатскую массу, взметенную вихрями революціи?

Новое правительство съ самаго начала упорно искало

выхода. Первые шаги его дѣятельности, ознаменовавшіеся расширеніемъ сферы гражданскихъ правъ солдата, не внесли въ армію нужнаго упокоенія и—прежде всего—не возстановили дисциплины. Лишь съ того момента, когда правительство нашло въ себѣ рѣшимость провести въ жизнь арміи доселѣ совершенно чуждое ей начало выборной организаціи, обнаружилось, что оно стало на вѣрный путь. По этому пути оно идетъ и сейчасъ. Прослѣдить его работу по реорганизаціи арміи, освѣтить принципы, которые легли въ ея основу, и есть посильная задача настоящей книжки. Мы не можемъ однако ввести читателя въ кругъ новыхъ понятій объ арміи, если ему неизвѣстны тѣ устои военнаго быта, на которыхъ держалась армія въ прошломъ, тѣмъ болѣе, что многое въ этомъ быту остается и останется неизмѣннымъ. А потому мы прежде всего должны, хотя бы въ общихъ чертахъ, ознакомить читателя съ картиной военнаго быта дореволюціонной арміи.

II

Съ момента поступленія на военную службу человѣкъ, какъ личность, при старомъ строѣ переставалъ существовать. Онъ становился нижнимъ чиномъ такого-то полка. Отъ него отнимались почти всѣ права, за исключеніемъ развѣ лишь правъ чисто-физіологическаго свойства: правъ на пищу, на отдыхъ, сонъ и т. д. Взамѣнъ давались только обязанности. «Уставъ внутренней службы», «Уставъ строевой», «Уставъ дисциплинарный» подробнѣйшимъ образомъ устанавливали эти обязанности на всѣ часы трудового солдатскаго дня. Въ томъ, что личная его свобода ограничена до послѣдней возможности, солдатъ убѣждался, едва переступалъ порогъ казармы. Попавъ въ роту, онъ узна-

валъ, что зачисленъ въ такой-то взводъ, такое-то отдѣленіе. Ему показывали мѣсто, гдѣ онъ будетъ спать, гдѣ онъ будетъ обѣдать, и предупреждали, что выходить изъ помѣщенія своей роты онъ можетъ не иначе, какъ съ разрѣшенія своего прямого начальника. Трудовой день солдата начинался въ 6 часовъ утра. Онъ долженъ былъ ежедневно «вставъ утромъ, оправить постель; у кого есть на рукахъ оружіе, осмотрѣть и, если нужно, протереть; вычистить одежду, пуговицы, амуницію, сапоги; починить, что разорвано. Послѣ этого вымыть руки, лицо, обтереть шею водой и выполоскать ротъ. Утираться непремѣнно своимъ полотенцемъ. Причесаться и явиться къ утреннему осмотру.» (Уставъ внутренней службы, статья 106).

На утреннемъ осм...ѣ взводный и отдѣленный командиры удостовѣрял..., всѣ ли нижніе чины налицо, осматривали обувь и одежду и выстраивали взводъ для молитвы. Хоромъ пѣли «Молитву Господню» и «Молитву за царя». Послѣ осмотра и молитвы—утренній чай. Въ восемь часовъ—начало занятій*).

Занятія были двухъ родовъ—строевыя и такъ называемыя словесныя, т. е. запоминаніе начальствующихъ лицъ, титулованій, изученіе уставовъ и тому подобное. Всѣ эти занятія должны были производиться на открытомъ воздухѣ лѣтомъ и зимой, если не мѣшала погода и если морозъ былъ не больше 15 градусовъ.

Послѣ обѣда давался двухчасовой отдыхъ, а потомъ опять занятія до 6 часовъ. Въ 6—7 часовъ чай, ужинъ, в 8 часовъ вечера перекличка, на которой обязательно присутствовала вся рота въ полномъ составѣ, вечерняя молитва. Въ 10 часовъ вечера огонь

*) Мы имѣемъ въ виду распредѣленіе занятій, созданное за время войны.

гасился, и люди обязаны были спать. Въ распоряженіи солдата оставалось лишь 3—4 часа свободнаго времени. Что же онъ въ это время могъ дѣлать? «Свободное время предоставляется нижнимъ чинамъ для отдыха, а также для починки и приведенія въ порядокъ того, что у нихъ неисправно. Они могутъ заниматься чтеніемъ въ одиночку, такъ и группами, вслухъ, разными дозволенными мастерствами, играми, пѣніемъ и игрою на инструментахъ (У. вн. сл., ст. 317).

Но въ то же время «книгъ безъ подписи ротнаго командира и газетъ, не разрѣшенныхъ командиромъ части, не имѣть (У. вн. сл., ст. 104).

Мы уже говорили, что покинуть помѣщеніе роты, безъ разрѣшенія начальника, солдатъ не могъ, посѣтителей же онъ могъ принимать къ себѣ ежедневно, но «лица, желающія имѣть свиданіе съ нижними чинами, и прочія постороннія лица, имѣющія надобность пройти въ казармы, допускаются не иначе, какъ съ разрѣшенія дежурнаго офицера и на основаніи правилъ, установленныхъ командиромъ части... Свиданія съ нижними чинами допускаются ежедневно въ свободное отъ занятій время, но не позже вечерней переклички... Ночевать въ казармахъ никому изъ постороннихъ лицъ не дозволяется... (У. вн. сл., ст. 322, 323 и 324).

Это тотъ будничный, внутри-казарменный обиходъ, къ которому сводился день солдата. Но «служба» солдата не исчерпывалась его служебными часами. На «службѣ» онъ продолжалъ оставаться всегда и вездѣ, гдѣ бы онъ ни находился, ибо вездѣ и всюду онъ встрѣчалъ начальника и старшихъ. «Тотъ воинскій чинъ, который постоянно или временно руководитъ служебной дѣятельностью другихъ воинскихъ чиновъ, хотя бы и старшихъ себя въ чинѣ, и несетъ за нихъ

опредѣленную по закону отвѣтственность, есть **начальникъ** этихъ чиновъ и они его подчиненные. Начальники имѣютъ право отдавать приказаніе своимъ подчиненнымъ, обязаны требовать отъ нихъ повиновенія и могутъ налагать на нихъ взысканіе, соразмѣрно со степенью власти, предоставленной имъ уставомъ дисциплинарнымъ. Подчиненные обязаны безпрекословно повиноваться своимъ начальникамъ и исполнять всѣ ихъ приказанія, кромѣ явно преступныхъ (У. вн. сл., 6).

По отношенію къ нижнимъ чинамъ начальниками признавались: всѣ **офицеры арміи и флота**, дѣйствительной службы и запаса (если послѣдніе были въ военной формѣ); военные врачи, ветеринары, священники, діаконы, гражданскіе чины и нижніе чины, «коимъ они подчинены по службѣ хотя бы временно». Старшими по отношенію къ нимъ были всѣ отставные офицеры и военные врачи (въ формѣ), священникъ, діаконъ и гражданскіе чины своей части.

По отношенію къ начальникамъ и старшимъ нижній чинъ долженъ былъ прежде всего соблюдать чинопочитаніе. «Видимымъ проявленіемъ воинскаго чинопочитанія служитъ отданіе чести, исполняемое по правиламъ Строевого Устава. При приближеніи начальника или старшаго подчиненный и младшій долженъ встать, отдать установленную честь и не садиться, пока не получитъ на то разрѣшеніе» (У. вн. сл., ст. 15 и 16).

«Если начальникъ или старшій обратится съ привѣтствіемъ или вопросомъ, то отвѣчать слѣдуетъ по правиламъ Строевого Устава» (ст. 18). «Младшій не долженъ курить при начальникѣ или старшемъ, не получивъ на то разрѣшенія (ст. 24) «На привѣтствіе начальника или старшаго всѣ нижніе чины должны отвѣчать: «здравія желаемъ (желаю)»; когда началь-

никъ или старшій благодаритъ—«рады (радъ) стараться»; если объявляетъ какую-либо милость—«покорно благодаримъ (благодарю)»; «когда прощается и нижніе чины уходятъ—«счастливо оставаться»; когда прощается и уходитъ самъ начальникъ или старшій—«счастливаго пути». Послѣ отвѣта слѣдуетъ прибавлять титулъ начальника или старшаго». (ст. 29).

Чѣмъ же является солдатъ въ глазахъ уставовъ, и чего они требовали отъ солдата прежде всего? Уставъ внутренней службы говоритъ:

1. Каждый воинскій чинъ есть слуга Государя и Отечества и защитникъ ихъ отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

2. Онъ долженъ свято и ненарушимо хранить присягу, быть благочестивымъ, безпредѣльно преданнымъ Государю и Отечеству, правдивымъ, храбрымъ, безпрекословно повиноваться начальникамъ, твердо знать и добросовѣстно исполнять всѣ свои обязанности, терпѣливо переносить всѣ тягости и лишенія, дорожить войсковымъ товариществомъ, помогать товарищамъ словомъ и дѣломъ, удерживать ихъ отъ дурныхъ поступковъ и выручать ихъ изъ опасности, а въ особенности въ бою, не щадя жизни.

О всемъ имъ замѣченномъ, что можетъ послужить ко вреду Государя и Отечества, и о всемъ случившемся съ нимъ, о всѣхъ сдѣланныхъ ему начальниками и старшими замѣчаніяхъ или переданныхъ приказаніяхъ онъ обязанъ немедленно доложить или донести своему непосредственному начальнику.

3. Онъ долженъ былъ всегда по формѣ и прилично одѣтъ, имѣть воинскій видъ и строго соблюдать правила чинопочитанія и воинской вѣжливости, помня, что по тому, какъ онъ будетъ вести себя, будутъ судить не

только о немъ, но и о той части, мундиръ которой онъ носитъ.

4. Каждый воинскій чинъ, по встрѣтившимся служебнымъ надобностямъ, долженъ обращаться всегда къ своему непосредственному начальнику. Съ разрѣшенія этого послѣдняго—можетъ обратиться къ слѣдующему по командѣ начальнику или прямо къ тому высшему начальнику, къ которому ему будетъ разрѣшено.

99. На улицахъ, на бульварахъ, въ скверахъ и тому подобныхъ мѣстахъ не курить.

100. а) Не состоять членами никакихъ обществъ, союзовъ и кружковъ, образуемыхъ съ политическою цѣлью.

б) Не посѣщать вовсе клубовъ, маскарадовъ, публичныхъ танцовальныхъ вечеровъ, трактировъ, ресторановъ, буфетовъ и другихъ заведеній, гдѣ производится продажа распивочно спиртныхъ напитковъ и пива (кромѣ станціонныхъ и пароходныхъ буфетовъ 3-го класса).

в) Посѣщать публичныя лекціи, ѣздить въ собственныхъ экипажахъ, участвовать въ какихъ бы то ни было публичныхъ торжествахъ или собраніяхъ, процессіяхъ и церемоніяхъ, въ любительскихъ спектакляхъ, оркестрахъ и концертахъ—только съ разрѣшенія командира части, испрашиваемаго по командѣ, а театры и другія общественныя зрѣлища—съ разрѣшенія командира роты.

г) Не ѣздить внутри вагоновъ трамваевъ и конножелѣзныхъ дорогъ и въ вагонахъ 1 и 2 класса желѣзныхъ дорогъ; на классныхъ пароходахъ занимать мѣста въ низшемъ классѣ, а на остальныхъ—на носовой части.

101. Не играть ни въ какую игру на деньги.

102. Вести торговыя дѣла и управлять промышлен-

ными заведеніями можно не иначе, какъ черезъ повѣреннаго, управляющаго или приказчика.

Но хотя уставы съ мелочной точностью опредѣляли весь укладъ солдатской жизни, характеръ солдатскаго быта зависѣлъ въ сущности не отъ нихъ, а главнымъ образомъ отъ личности начальника. Въ двухъ сосѣднихъ ротахъ царилъ зачастую совершенно различный режимъ. Если начальникъ требовалъ отъ солдатъ только службы и добросовѣстнаго исполненія служебныхъ обязанностей, при чемъ самъ добросовѣстно исполнялъ обязанности начальника, этотъ режимъ, несмотря на всю свою суровость, былъ еще сносенъ. Но если мѣсто начальника занималъ человѣкъ невысокихъ нравственныхъ качествъ, недобросовѣстный или просто нечестный, жизнь солдата могла превратиться въ каторгу. Прямыми начальниками солдата, съ которыми онъ проводилъ весь свой день, являлись прежде всего его отдѣленный и взводный командиры—унтеръ-офицеры. Только къ нимъ и могъ обращаться солдатъ по своимъ надобностямъ, только отъ нихъ онъ прежде всего и зависѣлъ. Той небольшой, но опять-таки почти безотвѣтственной власти, которая имѣлась въ ихъ рукахъ, было совершенно достаточно, чтобы отравить солдату жизнь. На немъ они могли срывать свою злобу, свои житейскія или служебныя неудачи, ихъ настроеніе окрашивало въ тотъ или иной цвѣтъ каждый часъ солдатской жизни. Нечестные могли заниматься поборами или просто вымогательствомъ, освобождая за это имущихъ отъ лишнихъ тяготъ службы и перекладывая ихъ на неимущихъ (особенно часты были случаи неправильнаго распредѣленія очередного суточнаго дежурства и дневальства). Обижать и притѣснять солдата могъ и взводный офицеръ, и ротный командиръ, особенно по-

слѣднiй, такъ онъ былъ полнымъ хозяиномъ роты не только въ строевомъ, но и въ денежномъ (хозяйственномъ) отношенiи.

Что же касается жалобъ, приносить которыя солдаты имѣли право, то онѣ должны были приноситься «по командѣ», т. е. заявлялись непосредственно лицу, нанесшему обиду, и имъ уже направлялись выше. Нечего и говорить, что такiя жалобы, за очень рѣдкими исключенiями, ни къ чему не приводили и могли только навлечь на жалобщика новыя бѣды, такъ какъ онъ продолжалъ оставаться подъ началомъ у обидчика.

При малѣйшемъ, хотя бы только кажущемся, ослушанiи или нерадѣнiи начальникъ могъ проявить всю полноту своей власти и наказывать подчиненнаго чуть ли не за каждый его шагъ. Для этого въ его рукахъ имѣлся Уставъ Дисциплинарный.

«Воинская дисциплина состоитъ въ строгомъ и точномъ соблюденiи правилъ, предписанныхъ военными законами. Поэтому она обязываетъ точно и безпрекословно исполнять приказанiя начальства, строго соблюдать чинопочитанiе, сохранять во ввѣренной командѣ порядокъ, добросовѣстно исполнять обязанности службы и не оставлять проступковъ и упущенiй подчиненныхъ безъ взысканiя» (Уст. Дисц., ст. 1).

«Дисциплинарное взысканiе есть наказанiе, налагаемое безъ суда, властью начальника» (ст. 8).

Какiя же взысканiя могутъ быть налагаемы на нижнихъ чиновъ?

1) Воспрещенiе отлучаться изъ казармы или со двора на время не свыше одного мѣсяца.

2) Назначенiе не въ очередь въ нарядъ по службѣ, или на случающiяся въ ротѣ работы не свыше 8 нарядовъ.

3) Простой арестъ на время не свыше одного мѣсяца.

4) Строгій арестъ на время не свыше двадцати сутокъ.

5) Усиленный арестъ не свыше восьми сутокъ (ст. 13).

Арестъ часто замѣнялся постановкой подъ ружье на 2 или 4 часа въ день, при чемъ ружье надо было держать «на плечо», по правиламъ Строевого Устава, т.-е. поддерживая всю тяжесть ружья (десять съ половиной фунтовъ) рукой.

«Право наложенія дисциплинарныхъ взысканій принадлежитъ тѣмъ начальникамъ, въ вѣдѣніи коихъ виновные состоятъ, или которымъ они подчинены по порядку службы, хотя и временно» (ст. 54).

«Высшій начальникъ не вправѣ отмѣнять опредѣленнаго младшимъ начальникомъ дисциплинарнаго взысканія по причинѣ строгости послѣдняго, если только ближайшій начальникъ не вышелъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти» (ст. 58).

Какъ мы уже говорили, нижній чинъ имѣлъ право обжаловать «незаконныя или несправедливыя въ отношеніи его дѣйствія и распоряженія начальства». И эти жалобы заявлялись «тому начальнику, которому непосредственно подчинено обжалываемое лицо, а если жалобщикъ не знаетъ, по чьей винѣ нарушены его права, то жалоба подается по командѣ въ порядкѣ подчиненности» (ст. 103). Но «жалобы допускаются только лично за себя, подавать же ихъ за другого или нѣсколькими сообща, равнымъ образомъ составлять какія либо сборища и сходки для обсужденія оныхъ воспрещается» (ст. 100).

Вотъ, въ сущности, тѣ главныя основы, на которыхъ должна была держаться жизнь солдата при старомъ режимѣ. Безпрекословное подчиненіе, повиновеніе и почти полное безправіе, съ одной стороны, и вся полнота

власти—съ другой. Конечно, существованіе такого безправнаго, почти рабскаго режима оказалось совершенно немыслимымъ въ свободной странѣ, какою стала Россія съ момента фактическаго сверженія самодержавнаго строя. Армія должна была быть раскрѣпощена.

III.

Начала раскрѣпощенія арміи намѣчены впервые въ памятномъ «Приказѣ № 1» Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, изданномъ 1 марта.

«Приказъ № 1. 1 марта 1917 г. По гарнизону петроградскаго округа.

Всѣмъ солдатамъ гвардіи, арміи, артиллеріи и флота для немедленнаго и точнаго исполненія, а рабочимъ Петрограда для свѣдѣнія.

Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ постановилъ:

1) во всѣхъ ротахъ, батареяхъ, полкахъ, баталіонахъ, эскадронахъ, отдѣльныхъ службахъ разнаго рода военныхъ управленій и на судахъ военнаго флота немедленно выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ вышеуказанныхъ воинскихъ частей;

2) во всѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя еще не выбрали своихъ представителей въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, избрать по одному представителю отъ роты, которымъ и явиться съ письменными удостовѣреніями въ зданіе Государственной Думы къ 10 час. утра 2 марта. Во всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ воинскія части подчиняются Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и своимъ комитетамъ. Приказы военнаго комиссара Государственной Думы слѣдуетъ исполнять, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда

они противорѣчатъ приказамъ и постановленіямъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ;

3) всякаго рода оружіе, какъ-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и проч. должно находиться въ распоряженіи и подъ контролемъ ротныхъ и баталіонныхъ комитетовъ и ни въ коемъ случаѣ не выдаваться офицерамъ, даже по ихъ требованію;

4) въ строю и при отправленіи служебныхъ обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но внѣ службы и строя въ своей политической, общественно-гражданской и частной жизни солдаты ни въ чемъ не могутъ быть умалены въ тѣхъ правахъ, коими пользуются всѣ граждане. Въ частности вставаніе во фронтъ и обязательное отданіе чести внѣ службы отмѣняется. Равнымъ образомъ отмѣняется титулованіе офицеровъ высокопревосходительствами и благородіями и т. п. и замѣняется обращеніемъ: г. генералъ, г. полковникъ и т. д.

5) грубое обращеніе съ солдатами всякихъ воинскихъ чиновъ и, въ частности, обращеніе къ нимъ на ты воспрещается. Во всякомъ нарушеніи сего, равно какъ и во всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами, послѣдніе обязаны доводить объ этомъ до свѣдѣнія ротныхъ комитетовъ.

Настоящій приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ, баталіонахъ, полкахъ, экипажахъ, батареяхъ и прочихъ строевыхъ командахъ.

Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ».

Необходимо признать, что какъ редакція этого приказа, такъ и самый фактъ его изданія по своимъ послѣдствіямъ оказались крайне неудачными. Повидимому, онъ былъ изданъ въ тотъ моментъ, когда между Совѣ-

томъ Рабочихъ Депутатовъ и Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы велись переговоры объ образованіи Временнаго Правительства. Но ни Совѣтъ, ни Комитетъ не являлись тогда государственной властью въ строгомъ смыслѣ,—и потому изданіе этого приказа было актомъ незакономѣрнымъ. Несомнѣнно оно было вызвано требованіями момента, въ цѣляхъ внести успокоеніе въ взволнованную стихію солдатской массы, но на самомъ дѣлѣ оно вызвало въ этой массѣ ложное представленіе о существованіи какого-то двоевластія. Притомъ очевидная спѣшность изданія этого приказа сказалась на его редакціи. Судя по подзаголовку, онъ предназначался для войскъ петроградскаго гарнизона, но уже начальныя его слова: «всѣмъ солдатамъ гвардіи, арміи, артиллеріи и флота» давали возможность считать его обращеннымъ ко всей арміи, всей гвардіи и ко всему флоту, какъ это и было понято: трудно было предполагать, что Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ въ этомъ приказѣ ставитъ войска петроградскаго гарнизона въ какое-то особое положеніе по сравненіи со всей остальной арміей. Пунктъ третій этого приказа о томъ, что «всякаго рода оружіе» ни въ коемъ случаѣ не должно выдаваться офицерамъ даже по ихъ требованію былъ составленъ явно необдуманно и имѣлъ для арміи фатальныя послѣдствія. Онъ былъ понятъ какъ призывъ къ разоруженію офицеровъ. И дѣйствительно, если «всякаго рода оружіе» не должно быть выдаваемо офицерамъ даже по ихъ требованію, то имѣющееся у нихъ не должно ли быть отобрано? Почему же приказано разоружать офицеровъ? Очевидно, за ихъ контръ-революціонность (какъ разъ въ это время были въ полномъ разгарѣ аресты лицъ, приверженныхъ старому строю). Конечно, Совѣтъ Рабочихъ

и Солдатскихъ Депутатовъ совсѣмъ не требовалъ разоруженія офицеровъ и нисколько не обвинялъ ихъ въ контръ-революціонности, но, къ сожалѣнію, приказъ Совѣта во многихъ мѣстахъ былъ именно такъ понятъ. Наконецъ, самыя слова: «не выдавать даже по ихъ требованію» уже открыто призывали солдатъ къ неповиновенію офицерамъ, что совершенно не вязалось съ изложеннымъ въ пунктѣ 4 требованіемъ «соблюдать строжайшую воинскую дисциплину». Словомъ, этотъ приказъ, во-первыхъ, вбивалъ клинъ между солдатами и офицерами, служа не объединенію ихъ, а разъединенію, а, во-вторыхъ, призывомъ къ неповиновенію не возстанавливалъ, а ниспровергалъ въ арміи дисциплину.

Чтобы хотя до нѣкоторой степени парализовать дѣйствіе этого приказа, Временному Правительству пришлось обратиться къ арміи съ особымъ воззваніемъ, въ которомъ говорилось: «Никто не призванъ обращаться къ солдатамъ и офицерамъ отъ имени Временнаго Правительства, кромѣ лицъ, которыя получатъ на то отъ Правительства особыя полномочія, обезпечивающія имъ содѣйствіе военныхъ начальниковъ. Повиновеніе солдатъ офицерамъ, подчиняющимся въ свою очередь черезъ посредство высшаго командованія Временному Правительству, составляетъ основу мощи арміи и безопасности страны. Разрушеніе этого повиновенія привело бы родину къ пораженію и ввергло бы армію и народъ въ пучину гибели. Да не будетъ этого!»

Но, призывая армію къ повиновенію, Временное Правительство сочло необходимымъ ясно и твердо заявить, что оно стоитъ на томъ же пути раскрѣпощенія арміи, стремленіемъ къ которому и былъ вызванъ приказъ № 1. Оно обѣщало: «при сохраненіи строгой воинской дисциплины въ строю, при несеніи военной службы, устра-

ніе для солдатъ всѣхъ ограниченій въ пользованіи общественными правами, предоставленными всѣмъ остальнымъ гражданамъ. Временное Правительство считаетъ своимъ долгомъ присовокупить, что оно отнюдь не намѣрено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедленія по осуществленію вышеизложенныхъ реформъ и мѣропріятій».

Первымъ приказомъ, вводившимъ существенныя измѣненія въ жизнь арміи, нужно считать Приказъ по военному вѣдомству № 114 (отъ 5 марта), подписанный военнымъ министромъ А. И. Гучковымъ.

«Приказываю:

1) Отмѣнить наименованіе «нижній чинъ». Въ надлежащихъ случаяхъ замѣнять его названіемъ «солдатъ».

2) Отмѣнить титулованіе и замѣнить таковое формой обращенія: «господинъ генералъ», «господинъ полковникъ», «господинъ штабсъ-ротмистръ», «господинъ хорунжій», «господинъ чиновникъ», «господинъ врачъ», или по должности,—напримѣръ: «господинъ казначей», «господинъ унтеръ-офицеръ», или по званію: «господинъ отдѣленный», и т. п.

3) При обращеніи ко всѣмъ солдатамъ какъ на службѣ, такъ и внѣ ея говорить имъ «вы».

4) Отмѣнить всѣ ограниченія, установленныя для воинскихъ чиновъ ст. 99, 100, 101, 102 и 104 Устава внутренней службы, воспрещающей куреніе на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ, посѣщеніе клубовъ и собраній, ѣзду внутри трамваевъ, участіе въ качествѣ членовъ въ различныхъ союзахъ и обществахъ, образуемыхъ съ политической цѣлью, и пр.».

Самымъ существеннымъ является, конечно, пунктъ 4.

Предоставляя солдату неизмѣримо большую свободу вообще, онъ вводитъ и постановленія очень большой важности: 1) предоставляетъ воинскимъ чинамъ право участія въ политическихъ обществахъ и партіяхъ и 2) снимаетъ всякіе запреты съ литературы, которой солдаты пожелаютъ пользоваться. Нельзя забывать, что при старомъ строѣ участіе въ политическихъ партіяхъ строжайше запрещалось. Отнынѣ все это должно было отойти въ область преданія: каждому солдату предоставлялось право исповѣдовать тѣ или другія политическія убѣжденія.

Но приказъ 5-го марта нужно считать лишь первымъ шагомъ правительства на пути реорганизаціи арміи и притомъ шагомъ, мало приближавшимъ къ цѣли. Въ арміи наблюдался несомнѣнный упадокъ дисциплины, мѣстами даже совершенный развалъ, и возвращеніе солдату тѣхъ или иныхъ правъ не могло измѣнить положенія вещей. Главная причина развала заключалась въ томъ, что не было власти. Вѣдь правительство могло проявлять свою власть только черезъ посредство командного состава и офицеровъ, а власть изъ рукъ офицеровъ была уже вырвана, и авторитетъ ихъ, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, подорванъ. Слѣдовательно, у правительства фактической возможности бороться съ разваломъ въ арміи не было. Чтобы какъ-нибудь выйти изъ этого ужаснаго положенія, правительство пробовало обращаться съ воззваніями къ арміи. Основная тема ихъ—необходимость дисциплины.

«Воины русскіе,—говорится въ одномъ воззваніи,—на васъ обращаются взоры Россіи. Слушайтесь вашихъ начальниковъ, помня, что армія безъ дисциплины врагу не страшна... Вѣрьте своимъ офицерамъ, какъ и раньше. Въ окопахъ они будутъ всегда съ вами, ведя

васъ къ побѣдѣ! Офицеры, заря свободы дала солдату права гражданина. Уважайте ихъ, и солдаты пойдутъ за вами, какъ за любимымъ вождемъ!.. Предъ лицомъ свободы равны всѣ».

Ничего и говорить, что дѣйственная сила этихъ воззваній была очень невелика. Конечно, они разъясняли солдату всю грозность момента, съ очевидностью доказывали ему необходимость поддержанія дисциплины и для каждаго изъ нихъ въ отдѣльности были убѣдительны (за исключеніемъ развѣ тѣхъ, кто хотѣлъ немедленнаго окончанія войны, хотя бы цѣною сепаратнаго мира или даже пораженія Россіи). Но несли ли они съ собой противоядіе противъ того процесса разложенія, которое охватило армію въ массѣ? Конечно, нѣтъ. Эта масса по-прежнему оставалась ни передъ кѣмъ и ни въ чемъ не отвѣтственной, тотъ же хаосъ и анархія царили въ частяхъ, число дезертировъ росло съ каждымъ днемъ. Остановить этотъ процессъ могла только близкая къ солдату власть, а она попрежнему оставалась отвлеченнымъ понятіемъ и ни къ кому въ руки не переходила.

Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ давно уже работалъ надъ разрѣшеніемъ этого, казалось бы, неразрѣшимаго вопроса и къ чести его нужно сказать, что онъ нашелъ выходъ, пусть даже пока только въ принципѣ. Выходъ этотъ онъ нашелъ въ проведеніи въ жизнь арміи выборнаго начала.

16 апрѣля было опубликовано «Положеніе о войсковыхъ комитетахъ и дисциплинарныхъ судахъ», которое явилось результатомъ работъ особой комиссіи съ участіемъ представителей дѣйствующей арміи и флота и делегатовъ отъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и Все-

россійскаго Совѣщанія Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Это Положеніе вылилось въ форму Приказа по Военному Вѣдомству, за № 213, подписаннаго военнымъ министромъ А. И. Гучковымъ.

«Переустройство народной арміи и флота требуетъ установленія новыхъ началъ какъ въ самой организаціи войскъ, такъ и во внутреннемъ бытѣ и взаимоотношеніяхъ начальниковъ и подчиненныхъ...

Оставляя незыблемыми основы боевой подготовки и боевой дѣятельности войскъ, требующихъ точнаго и безпрекословнаго исполненія приказаній начальниковъ, новое устройство вооруженныхъ силъ вводитъ систему выборныхъ войсковыхъ организацій, обезпечивающихъ каждому воину осуществленіе его гражданскихъ и политическихъ правъ.

Таковыми организаціями являются:

1) Комитеты: ротные, полковые и армейскіе.

2) Дисциплинарные суды.

Задачи комитетовъ:

1) Сплоченіе всей русской арміи въ единую организацію.

2) Наблюденіе за поддержаніемъ дисциплины и порядка въ свои части.

3) Контроль за хозяйственной дѣятельностью своей части.

4) Принятіе законныхъ мѣръ противъ злоупотребленій и превышеній власти со стороны должностныхъ лицъ своей части.

5) Рѣшеніе вопросовъ, касающихся внутренняго быта части.

6) Улаженіе недоразумѣній между солдатами и офицерами.

7) Содѣйствіе просвѣщенію и развитію спорта среди солдатъ и матросовъ своей части.

8) Подготовка къ выборамъ въ Учредительное Собраніе.

Задачи дисциплинарныхъ судовъ:

1) Поддержаніе дисциплины въ частяхъ.

2) Разрѣшеніе ссоръ и недоразумѣній, возникающихъ въ солдатской и матросской средѣ.

Всѣ эти организаціи—выборныя, на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

Права и обязанности ихъ точны опредѣлены положеніями, при семъ объявляемыми.

Незаконныя дѣйствія этихъ организацій и отдѣльныхъ ихъ чиновъ вѣдаются въ общемъ военно-судномъ порядкѣ.

Общія собранія войсковыхъ частей не должны мѣшать боевой и учебной работѣ, а также спеціальнымъ работамъ части».

Какъ же опредѣляютъ «Положенія» права и обязанности войсковыхъ комитетовъ?

Ротные комитеты вѣдаютъ, въ сущности, всѣми сторонами внутренней жизни роты, и лишь «ни въ какой мѣрѣ не касаются боевой подготовки и боевыхъ сторонъ дѣятельности части». «Всѣ постановленія ротнаго комитета, такъ или иначе затрагивающія внутренній распорядокъ въ ротѣ, ротные комитеты обязаны доводить до свѣдѣнія ротнаго командира *), предварительно приведенія ихъ въ исполненіе. При несогласіи ротнаго командира съ такимъ постановленіемъ ротнаго комитета, исполненіе этого постановленія пріостанавливается рот

*) Замѣтимъ, что ротный командиръ въ составъ комитета, избираемаго общимъ собраніемъ роты, не избирается.

(*Прим. автора*).

нымъ командиромъ и имъ же немедленно вносится въ полковой комитетъ». «Ротный комитетъ направляетъ поступающія къ нему жалобы или въ ротный дисциплинарный или въ полковой суды, или въ полковой комитетъ по принадлежности». «Для подготовки къ выборамъ въ Учредительное Собраніе ротные комитеты входятъ въ сношенія съ политическими партіями для полученія отъ нихъ газетъ, прокламацій и другихъ печатныхъ изданій и просятъ о посылкѣ членовъ партій для объясненій программъ».

Полковые комитеты состоятъ изъ выборныхъ членовъ: солдатъ выбираютъ общія собранія солдатъ ротъ, офицеровъ—общество офицеровъ части. Вѣдаютъ они всю внутреннюю жизнь полка и, между прочимъ улаживаютъ недоразумѣнія между офицерами и солдатами и выносятъ примирительныя рѣшенія. «Если соглашеніе не достигнуто, то передаютъ такія дѣла въ полковой судъ, а не подлежащія вѣдѣнію суда передаютъ въ армейскій комитетъ и доносятъ объ этомъ начальнику части». По отношенію къ ротнымъ комитетамъ полковые являются второй инстанціей: они разсматриваютъ неправильныя дѣйствія ротныхъ комитетовъ. Третьей инстанціей являются армейскіе комитеты

«Армейскій комитетъ содѣйствуетъ проведенію въ жизнь арміи новыхъ началъ быта и организаціи и примѣненію ихъ къ особенностямъ условій, въ которыхъ находится данная армія. Армейскій комитетъ разбираетъ недоразумѣнія между офицерами и солдатами по дѣламъ, поступающимъ въ армейскій комитетъ отъ полковыхъ или соотвѣтствующихъ имъ комитетовъ. Постановленіе армейскаго комитета по дѣламъ о недоразумѣніяхъ является окончательнымъ, если рѣшеніе примирительнаго характера, въ противномъ случаѣ по-

становленіе комитета представляется на усмотрѣніе командующаго арміей. Рѣшеніе командующаго арміей окончательно».

Таковы въ общихъ чертахъ права и обязанности выборныхъ войсковыхъ комитетовъ. То же выборное начало положено въ основу «Положенія о дисциплинарныхъ судахъ»—ротныхъ и полковыхъ, которымъ единственно и предоставлено право налагать на солдатъ взысканія. «Дѣла о дисциплинарныхъ проступкахъ вносятся въ ротный судъ всѣми начальниками, начиная съ отдѣленнаго командира, а также ротными и полковыми комитетами». Разбираются они, по возможности, немедленно, устно, при открытыхъ дверяхъ. Совѣщанія суда производится тайно. Рѣшеніе приводится въ исполненіе немедленно,—оно окончательно, и жалобы на него по существу не допускаются, возможны лишь жалобы на неправильныя дѣйствія судей.

Въ чемъ же основная идея «Положенія о войсковыхъ комитетахъ и дисциплинарныхъ судахъ»? Что такое ротный комитетъ? Это собраніе лучшихъ людей роты, такъ сказать, ея уплотненный разумъ и совѣсть. Въ немъ, какъ въ фокусѣ, собираются всѣ волевыя стремленія роты, изъ него, какъ изъ центра, исходятъ всѣ лучи моральнаго воздѣйствія на нее. Поэтому, съ одной стороны, яснѣе выражая и выявляя ея желанія и стремленія, комитеты, съ другой, создаютъ органъ, руководящій ея дѣйствіями. Практически они заполняютъ ту пустоту, которая образовалась между толпой солдатъ и офицеромъ съ того момента, когда онъ лишился своей власти. Дѣло въ томъ, что законъ вѣдь не отнималъ власти у офицера, не хотѣлъ ея отнимать и приказъ № 1, а просто офицеръ лишенъ былъ возможности осуществлять свою власть: ей не повиновались. Съ учре-

жденіемъ ротныхъ комитетовъ картина мѣняется. Офицеръ, при неповиновеніи, можетъ обратиться къ ротному комитету за содѣйствіемъ, и ротный комитетъ вмѣстѣ съ нимъ осуществитъ его власть. А осуществить онъ можетъ: какъ у лучшихъ людей въ ротѣ, у него есть моральный авторитетъ; какъ у выбраннаго большинствомъ, у него всегда есть большинство, на которое онъ опирается. Это же «Положеніе» создаетъ и выборные ротные суды, создаетъ, слѣдовательно, органъ, передъ которымъ каждый солдатъ является отвѣтственнымъ. Въ случаѣ нарушенія имъ дисциплины или неповиновенія, онъ можетъ быть наказанъ, а это имѣетъ огромное значеніе, особенно для малосознательной массы. Значитъ, дисциплинарная власть офицера переходитъ къ ротному суду, — и судъ ее осуществляетъ. Тѣмъ самымъ создается контроль надъ законностью дѣйствій и распоряженій офицера и устраняется всякая возможность произвола надъ солдатомъ. Въ итогѣ, созданіе ротныхъ комитетовъ и судовъ возстановляетъ въ арміи власть и принуждаетъ солдата къ повиновенію подъ страхомъ отвѣтственности, т. е. какъ разъ и создаетъ возможность ввести въ армію ту разумную и свободную дисциплину, которая опять сплотитъ ея ряды и вернетъ ей временно утраченныя силы. Въ изданіи этого приказа—неоспоримая заслуга Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Но не только въ этомъ. При его же содѣйствіи создана и такъ называемая «Декларація правъ солдата»—этотъ поистинѣ историческій въ жизни арміи документъ.

Еще 13 марта, слѣдовательно, за мѣсяцъ до изданія подписаннаго Гучковымъ приказа о выборныхъ комитетахъ и судахъ, въ залѣ засѣданій Государственной Думы состоялось совѣщаніе, въ которомъ приняли уча-

стіе Исполнительный Комитетъ Солдатскихъ Депутатовъ, Исполнительный Комитетъ Офицеровъ и делегатовъ-офицеровъ петроградскаго гарнизона, крѣпости и флота и представителей офицеровъ-республиканцевъ, гдѣ была принята эта декларація, которая почти цѣликомъ вошла въ приказъ А. Ѳ. Керенскаго отъ 11 мая, содержавшій въ себѣ «Положеніе объ основныхъ правахъ военно-служащихъ».

Вотъ этотъ знаменитый приказъ, воплотившій въ себѣ «Декларацію правъ солдата»:

«Приказываю ввести въ жизнь по арміи и флоту слѣдующія согласованныя съ п. 2-мъ деклараціи Временнаго Правительства отъ 7-го марта 1917 года положенія объ основныхъ правахъ военнослужащихъ:

1) Всѣ военнослужащіе пользуются всѣми правами гражданъ, но при этомъ каждый военнослужащій обязанъ строго согласовать свое поведеніе съ требованіями военной службы и воинской дисциплины.

2) Каждый военнослужащій имѣетъ право быть членомъ любой политической, національной, религіозной, экономической или профессіональной организаціи, общества или союза.

3) Каждый военнослужащій во внѣслужебное время имѣетъ право свободно и открыто высказывать и исповѣдывать устно, письменно или печатно свои политическіе, религіозные, соціальные и прочіе взгляды.

4) Всѣ военнослужащіе пользуются свободой совѣсти, и потому никто не можетъ быть преслѣдуемъ за исповѣдываемое имъ вѣрованіе и принуждаемъ къ присутствованію при богослуженіяхъ и совершеніи религіозныхъ обрядовъ какого-либо вѣроисповѣданія. Участіе въ общей молитвѣ необязательно.

5) Всѣ военнослужащіе въ отношеніи своей перепис-

ски подчиняются правиламъ, общимъ для всѣхъ граждан.

6) Всѣ безъ исключенія печатныя изданія, періодическія и непеpіодическія, должны безпрепятственно передаваться адресатамъ.

7) Всѣмъ военнослужащимъ предоставляется право ношенія гражданскаго платья внѣ службы, но военная форма остается обязательной во всякое время для всѣхъ военнослужащихъ, находящихся въ дѣйствующей арміи и въ военныхъ округахъ, расположенныхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Право разрѣшать ношеніе гражданскаго платья военнослужащимъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ, находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій, предоставляется главнокомандующимъ арміями фронтовъ или командующимъ флотами. Смѣшанная форма ни въ какомъ случаѣ не допускается.

8) Взаимоотношенія военнослужащихъ должны основываться, при строгомъ соблюденіи воинской дисциплины, на чувствѣ достоинства гражданъ свободной Россіи и на взаимномъ довѣріи, уваженіи и вѣжливости.

9) Особыя выраженія, употребляющіяся, какъ обязательныя, для отвѣтовъ одиночныхъ людей и командъ и внѣ строя и въ строю,—какъ, напримѣръ, «такъ точно», «никакъ нѣтъ», «не могу знать», «рады стараться», «здравія желаемъ», «покорно благодарю» и и т. п., —замѣняются общеупотребительными: «да», «нѣтъ», «не знаю», «постараемся», «здравствуйте» и т. п.

10) Назначеніе солдатъ въ денщики отмѣняется.

Какъ исключеніе, въ дѣйствующей арміи, флотѣ, въ крѣпостныхъ районахъ, въ лагеряхъ, на корабляхъ, на маневрахъ, а также на окраинахъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ нѣтъ возможности нанять прислугу

(въ послѣднемъ случаѣ невозможность эта опредѣляется полковымъ комитетомъ), офицерамъ, военнымъ врачамъ, военнымъ чиновникамъ и духовенству разрѣшается имѣть вѣстового для личныхъ услугъ, назначаемаго по обоюдному соглашенію вѣстового и лица, къ которому онъ назначается, съ платою также по соглашенію, не болѣе одного вѣстового на каждаго изъ упомянутыхъ чиновъ.

Вѣстовые для ухода за собственными и офицерскими лошадьми, положенными по должности, сохраняются какъ въ дѣйствующей арміи, такъ и во внутреннихъ округахъ и назначаются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и вѣстовые для личныхъ услугъ.

11) Вѣстовые для личныхъ услугъ не освобождаются отъ боевой службы.

12) Обязательное отданіе чести какъ отдѣльными лицами, такъ и командами отмѣняется. Для всѣхъ военнослужащихъ взамѣнъ обязательнаго отданія воинской чести устанавливается добровольное взаимное привѣтствіе.

Примѣчаніе 1. Отданіе воинскихъ почестей командами и частями при церемоніяхъ, похоронахъ и т. п. случаяхъ сохраняется.

Примѣчаніе 2. Команда «смирно» остается во всѣхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ строевыми уставами.

13) Въ военныхъ округахъ, не находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій, всѣ военнослужащіе въ свободное отъ занятій, службы и нарядовъ время имѣютъ право отлучаться изъ казармъ и съ кораблей въ гавани, но лишь освѣдомивъ объ этомъ соотвѣтствующее начальство и получивъ надлежащее удостовѣреніе личности.

Въ каждой части должна оставаться дежурная рота

или вахта или соотвѣтствующая ей часть, и, кромѣ того, въ каждой ротѣ, сотнѣ, батареѣ и т. п. должна оставаться еще и ея дежурная часть. Съ кораблей, находящихся на рейдахъ, увольняется такая часть команды, какая не лишаетъ корабля возможности въ случаѣ крайней надобности немедленно сняться съ якоря и выйти въ море.

14) Никто изъ военнослужащихъ не можетъ быть подвергнутъ наказанію или взысканію безъ суда, но въ боевой обстановкѣ начальникъ имѣетъ право, подъ своей личной отвѣтственностью, принимать всѣ мѣры, до примѣненія вооруженной силы включительно, противъ неисполняющихъ его приказанія подчиненныхъ. Эти мѣры не почитаются дисциплинарными взысканіями.

15) Всѣ наказанія, оскорбительныя для чести и достоинства военнослужащаго, а также мучительныя и явно вредныя для здоровья, не допускаются.

Примѣчаніе. Изъ наказаній, упомянутыхъ въ уставѣ дисциплинарномъ, постановка подъ-ружье отмѣняется.

16) Примѣненіе наказаній, не упомянутыхъ въ уставѣ дисциплинарномъ, является преступнымъ дѣяніемъ, и виновные въ немъ должны предаваться суду. Точно такъ же долженъ быть преданъ суду всякій начальникъ, ударившій подчиненнаго въ строю или внѣ строя.

17) Никто изъ военнослужащихъ не можетъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію, не исключая и отбывающихъ наказаніе въ военно-тюремныхъ учрежденіяхъ.

18) Право назначенія на должность и въ указанныхъ закономъ случаяхъ временнаго отстраненія начальниковъ всѣхъ степеней отъ должности принадлежитъ исключительно начальникамъ. Точно такъ же они одни

имѣютъ право отдавать распоряженія, касающіяся боевой дѣятельности и боевой подготовки части, ея обученія, спеціальныхъ ея работъ, инспекторской и хозяйственной частей. Право же внутренняго самоуправленія, наложенія наказаній и контроля въ точно опредѣленныхъ случаяхъ (приказы по военному вѣдомству отъ 16-го апрѣля 1917 года № 213 и отъ 8-го мая 1917 года № 274) принадлежитъ выборнымъ войсковымъ организаціямъ, комитетамъ и судамъ.

Объявляя настоящія общія положенія, предписываю принять ихъ, какъ и правила, установленныя приказомъ по военному вѣдомству за 1917 годъ № 114, въ основаніе при пересмотрѣ уставовъ и законоположеній, опредѣляющихъ внутренній бытъ и служебную дѣятельность военнослужащихъ, а равно дисциплинарную и уголовную ихъ отвѣтственность».

Это «Положеніе объ основныхъ правахъ военно-служащихъ» вполнѣ отвѣчаетъ установившемуся за нимъ названію «Деклараціи правъ солдата». Дѣйствительно, оно предоставляетъ членамъ арміи пользованіе гражданскими правами въ такихъ широкихъ предѣлахъ, какихъ не знаетъ ни одна европейская страна. И Керенскій въ правѣ былъ сказать: «Русская армія получила права, которыхъ не имѣетъ ни одинъ солдатъ, ни одинъ офицеръ въ мірѣ, даже въ самыхъ свободныхъ и старыхъ демократическихъ республикахъ».

Приказъ этотъ составленъ въ такихъ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ, что пояснять или разбирать отдѣльные пункты нѣтъ надобности. Замѣтимъ вообще, что онъ ни въ одной своей части не сходитъ съ того строго-демократическаго пути, идя по которому творческая революціонная мысль ввела въ армію начала выборной организаціи. Даже больше: устанавливая по-

ложеніе, что «никто изъ военно-служащихъ не можетъ быть подвергнутъ наказанію или взысканію безъ суда», «Декларація» какъ бы сжигаетъ послѣдній мостъ, соединявшій армію съ остатками стараго военнаго быта. Только въ одномъ случаѣ «начальникъ имѣетъ право подъ свою личную отвѣтственность принимать всѣ мѣры, до примѣненія вооруженной силы включительно, противъ неисполняющихъ его приказа подчиненныхъ»—въ боевой обстановкѣ. Но эта оговорка существенно необходима, такъ какъ въ боевой обстановкѣ никакіе комитеты и суды уже немыслимы.

Въ процессѣ историческаго развитія военнаго права «Декларація»—чрезвычайно смѣлый опытъ, такъ сказать, скачокъ. И этотъ опытъ тѣмъ смѣлѣе, что сдѣланъ онъ въ условіяхъ войны. Но въ то же время въ «Деклараціи» единственный выходъ, единственная возможность спасти армію отъ охватившей ее анархіи. Въ основѣ ея лежатъ начала разумной свободы, то великое благо, котораго добилась страна цѣною долгой борьбы и усилій. И пусть «Декларація» не является актомъ, нормирующимъ жизнь арміи во всей ея полнотѣ: достаточно того, что она создаетъ почву, на которой можетъ начаться преображеніе арміи и возстановленіе ея подорванныхъ силъ. Началось ли это преображеніе арміи? Прислушаемся къ голосу ея верховнаго вождя генерала Брусилова:

«Армія еще больной, хотя и выздоравливающій человѣкъ. А къ больному надо подходить осторожно. Но болѣзнь не смертельна. И она быстро проходитъ. Рядомъ съ больными ея частями у насъ есть уже такія части, къ которымъ вернулось здоровье. Тамъ царитъ настоящая дисциплина. И она тѣмъ дороже, что она сознательная... Комитеты нужны, необходимы, безъ нихъ

при этомъ разбродѣ мы бы пропали. Но область ихъ компетенціи должна быть строго опредѣлена. Они дѣлаютъ это и сами. И тамъ, гдѣ въ комитеты входятъ развитые солдаты и офицеры, комитеты своей дѣятельностью не задѣваютъ сферу дѣйствій офицера. Намъ приходится опираться тутъ на тотъ элементъ, который при старомъ порядкѣ считался какъ разъ самымъ «подозрительнымъ»: на солдатъ-интеллигентовъ и рабочихъ изъ разныхъ техническихъ службъ, напр., автомобилистовъ. Теперь это—слуги порядка и свободы. И трогательно видѣть, какъ они буквально рвутся изъ кожи вонъ, чтобы помочь арміи.....

Вообще армія выздоравливаетъ. Но еще не совсѣмъ выздоровѣла. Не надо строить иллюзій. Скажу одно: нужна величайшая энергія въ нравственномъ воздѣйствіи на солдата, нужна любовь, нужна огромная осторожность, нужно забвеніе всего личнаго. Нужна вѣра въ Россію и въ здоровое нутро народа. Вотъ чего я жду отъ нашихъ офицеровъ и солдатъ. И отъ многихъ, отъ большинства получаю. И горячо ихъ за всѣ ихъ тяжкіе труды благодарю.

Разъ все это ужъ налаживается, я полагаю, что наша армія будетъ спасена, а съ нею и Россія.

И къ этому я призываю всѣхъ не только въ арміи, но и въ тылу. Пусть вся Россія помогаетъ намъ. Пусть все сольется въ одной мысли о родинѣ, пусть всѣ работаютъ, не покладая рукъ, помня, что каждый часъ промедленія—измѣна и гибель. Времени нѣтъ, мы тратили его безъ жалости. И мнѣ хотѣлось бы теперь крикнуть всѣмъ: спѣшите, а то поздно будетъ говорить о спасеніи Россіи».

